

С. А. ЭКШТУТ,

редактор отдела исторических иллюстраций журнала "Родина",
доктор философских наук

МАНИФЕСТ ИСТОРИСОФСКОГО МАНЬЕРИЗМА

Мы живем в переходное время: менее четырех лет осталось до 2001 года, который станет началом нового века и одновременно нового тысячелетия. Всякое время переходно, но не всякое время переживает *недуг бытия*. Одно время живет исключительно настоящим и не желает знать родства ни с прошлым, ни с будущим. Другое время осознает только свою исключительность, непохожесть на прошлое и чванится разрывом с ним. Конец XX века, постигая себя как трагическое безвременье — *распад связи времен*, мучительно переживает свою переходность.

Нам предстоит возвращение к рубежу XVI—XVII веков, к эпохе маньеризма, к той точке мировой истории, которая осмыслила свое бессилие вправить *вывихнутый сустав времени*. Будущее покажет, предстоит ли нам циклическое повторение прошлого с неизбежным гамлетовским "быть или не быть?" или же возвращение к нему на новом витке спирали. Мы живем в идеальное время для историсофских опытов, когда есть все условия для содержательной, а не спекулятивной интерпретации исторического процесса и исторического познания. Опираясь на результаты тщательно фундированных изысканий А. А. Аникста, посвященных маньеризму, я рискну охарактеризовать основные стилевые тенденции этих опытов.

Тяга к потустороннему и неземному потеснит гуманистический оптимизм: "...в мире много кой-чего..." (что вашей философии не снилось). (Шекспир У. Гамлет. Избранные переводы: Сборник. М., 1985. С. 475. Перевод Б. Л. Пастернака). Воображение и интуиция, связь с мистикой станут новыми опорами для деятельности ученого. Он устремится к виртуозности и усложнению традиционных мотивов. Субъективная основа творчества властно заявит о себе: изучение объекта исследования станет диктоваться внутренним чувством мастера и подчиняться ему. "Там, где кончается документ, там я начинаю. <...> Я чувствую угрызения совести, когда обнаруживаю, что недостаточно далеко зашел за документ или не дошел до него, за его неимением" (Тынянов Ю. Н. Как мы пишем // Юрий Тынянов. Писатель и ученый. Воспоминания. Размышления. Встречи. М., 1966. С. 197). Исследователь будет воплощать свое внутреннее видение без оглядки на преходящую и изменчивую действительность, не заботясь о правдоподобию в глазах научного сообщества. Если раньше канон сменялся каноном, а миф мифом, то отказ от подчинения правилам станет парадигмой будущего. Внутреннее напряжение между унаследованным и новым будет постоянно присутствовать в творчестве каждого незаурядного ученого в качестве проблемы, требующей сознательного решения.

Если в наши дни мир воспринимается парадоксальным и лишенным стабильности, то творец станет искать адекватные средства выразить свою озабоченность, растерянность и отчаяние перед лицом этого мира. *В большом времени*, в длительной временной протяженности (*la longue duree*) прошлое предстает перед исследователем в своей незавершенности и непредсказуемости, в противоборстве реализованного и нереализованного, во всеохватывающей альтернативности истории в каждой ее точке. "Нельзя изменить фактическую вещную сторону прошлого, но смысловая, выразительная, говорящая сторона может быть изменена, ибо она незавершима и не совпадает сама с собой (она свободна)". (Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1986. С. 430). Произойдет отказ от идеи всеобщей строгой детерминации. Мгновенный и непредсказуемый *случай* — этот джокер из карточной колоды *судьбы* — станет главным героем историсофского повествования. Ученый перестанет искать строгую логику решительно во всем. Его логика станет эластичной, подчиненной эмоциональной выразительности. Объективированному изображению мира будет противопоставлено его художественное воссоздание, ставящее эмоции и переживания выше соблюдения внешнего правдоподобия. Историсофские опыты станут сплавом науки с литературой и искусством.

"Чувство двойственности всей вещей, столь характерное для психологии маньеристской эпохи, является существенной предпосылкой трагизма в искусстве. Ситуация становится трагической в силу того, что она не допускает простого и прямолинейного решения; любой путь, избранный героем, ведет к смешению добра и зла, вины и невиновности, вынужденности и свободы выбора" (Аникст А. А. Концепция маньеризма в искусствоведении XX века // Советское искусствоведение. Вып. 2. М., 1977. С. 241).

Произойдут изменения самого научного ряда: старший и младший жанры, старшая и младшая линии развития науки поменяются местами. Монография постепенно утратит былую важность, сдаст господствующую позицию и отойдет на второй план. Ее место займут историософские опыты. Процесс, начатый “Республикой ученых” (*La Republique des Lettres*) и доведенный до стадии зрелости позитивистами, получит логическое и эстетическое завершение. Рецензия, аннотация, тезисы, реферат и, главное, эссе будут “повышены в чине” и выйдут из тьмы некоторого пренебрежения.

Салон XVII—XVIII веков — вот зримый образ науки будущего, ориентированной не только на удовлетворение профессиональных интересов относительно узкого круга специалистов, но и на запросы более широких слоев читателей, слушателей и зрителей. (Разумеется, тончайшие оттенки смысла теоретических рассуждений — это удел собратьев по цеху. Однако юмор, ирония, изящество стиля, увлекательность и артистизм повествования — все это доступно восприятию любого образованного человека с развитым эстетическим чувством.) Слово звучащее потеснит слово, запечатленное на бумаге. Письменная речь станет нуждаться в ярких эмоциональных и зрительных образах. Книжные и журнальные иллюстрации органически войдут в систему логических построений ученого. Воображение и метафора вернут позиции, утраченные в Новое время, и получат все права научного гражданства. В научном сообществе утвердится большая терпимость. Сегодняшние изгои и бастарды — от марксизма и направлений субъективистского толка, включая крайний солипсизм, до литературных композиций и научно-фантастических романов, утопий и антиутопий — все получат гражданские права и будут допущены в научное сообщество. Вернее, сложится новое сообщество интеллектуалов, свободных от опеки *Левиафана*, отчужденных как от государственной кормушки, так и от необходимости торговать своим вдохновением и принципами. Платой за слишком долгое отчуждение науки от нужд гражданского общества станут резко возросшая потребность торговать рукописью и необходимость считаться с законами книжного рынка. Таковы неизбежные издержки будущего обмирщения науки.

Маньеризм XVI—XVII веков возродится в XXI веке не только как художественный, но и как научный метод. По книжным, журнальным и газетным страницам уже бродит призрак нового историософского дискурса. *Сова Минервы* находится накануне резкого взлета. Ее полет станет рождением *историософского маньеризма* — гуманитарной науки будущего.